

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 4, Pp. 780–794, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

Политика в сфере безопасности правительства Синдзо Абэ

Ксения Васильевна Шуплецова^{1,2}

Security Policy of the Shinzo Abe Government

Kseniya V. Shupletsova^{1,2}

¹ Институт Китая и современной Азии РАН (д. 32, Нахимовский пр., 117997 Москва, Российская Федерация)
научный сотрудник

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)
Research Associate

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

ассистент Assistant Lecturer

 0000-0002-1056-4788. E-mail: k.shupletsova@iccara.s.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Шуплецова К. В., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Shupletsova K. V., 2025

Аннотация. Введение. Правительства С. Абэ реализовали ряд существенных реформ в области безопасности, ознаменовав переход Японии к политике «активного пацифизма». Цель статьи — проанализировать ключевые реформы политики безопасности Японии в период правительства С. Абэ, установить их влияние на оборонные возможности страны и оценить соотношение инноваций и преемственности по отношению к предыдущему курсу безопасности Японии. Результаты. При С. Абэ была издана первая «Стратегия национальной безопасности» и создан Совет национальной безопасности, которые обеспечили основу для более сплоченного и стратегического подхода к национальной обороне. Эти решения сыграли решающую роль в укреплении Сил самообороны Японии и расширении ее военных возможностей. В 2015 г. был принят пакет законов о коллективной безопасности, который переосмыслил конституционные ограничения Японии, чтобы разрешить коллективную самооборону. Это ознаменовало собой значительный сдвиг в политике безопасности Японии, позволив стране более активно участвовать в международных усилиях по обеспечению безопасности. Ключевыми аспектами международного направления политики безопасности стали: укрепление альянса с США, расширение сети соглашений по оборонной политике со странами АСЕАН, Индией, Австралией и другими странами. Политика была выстроена таким образом, чтобы повысить международный статус Японии и укрепить ее позиции в регионе. Несмотря на значительные изменения в оборонной политике, в ней отмечается преемственность с политикой предыдущих японских правительств.

Ключевые слова: японская политика безопасности, Синдзо Абэ, японо-американский союз, Силы самообороны Японии

Для цитирования: Шуплецова К. В. Политика в сфере безопасности правительства Синдзо Абэ // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 4. С. 780–794. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-780-794

Abstract. *Introduction.* The Shinzo Abe administrations implemented a number of principal security reforms that marked Japan's transition to the policy of 'active pacifism'. *Goals.* The article attempts an analysis into key reforms of Japan's security agenda during the Abe governments, seeks to determine their impacts on the country's defense capabilities, and evaluate the balance between innovation and continuity as compared to Japan's preceding security policies. *Results.* Under Abe, Japan established the National Security Strategy and the National Security Council that would provide a framework for a more cohesive and strategic approach to national defense. These institutions proved pivotal in strengthening Japan's Self-Defense Forces and expanding its military capabilities. Abe's administration introduced the 2015 Legislation for Peace and Security which reinterpreted Japan's constitutional constraints to allow for collective self-defense. This marked a significant shift in Japan's security policy and enabled the country to more actively engage in international security efforts. Key aspects of the international direction in Japan's security policy included as follows: strengthening of the alliance with the United States, expanding of the agreement network with ASEAN countries, India, Australia, and others. The policy was designed to enhance Japan's international status and strengthen its positions in the region. Despite the significant changes in defense policy, it does maintain continuity with the policies of previous Japanese governments.

Keywords: Japan's security policy, Shinzo Abe, Japan-US alliance, Japan Self-Defense Forces

For citation: Shupletsova K. V. Security Policy of the Shinzo Abe Government. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 780–794. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-780-794

1. Введение

Синдзо Абэ занимал пост премьер-министра Японии в 2006–2007 и 2012–2020 гг. и состоял в этой должности дольше всех в истории страны. Одной из внешнеполитических задач С. Абэ являлось укрепление положения Японии в регионе. Премьер-министр являлся сторонником государственного национализма, подразумевающего построение сильного «государства-нации». Это проявлялось в его политике по отношению к проблемам исторической памяти, а также в политике безопасности. Бывший премьер-министр стремился сохранить влияние в регионе, несмотря на стремительное усиление Китая, и пытался, если не опередить его, то создать альтернативное по силе государство [Крупянко, Арешидзе 2012: 157]

Изучение реформ С. Абэ в сфере безопасности важно для понимания современных сдвигов в японской внешней политике и ее стратегическом партнерстве с США, а также переосмыслением Японией своей роли в системе региональной безопасности Восточной Азии. Реформы, внесенные премьер-министром С. Абэ, получили название

«доктрины Абэ», что подчеркивает новый этап развития политики в сфере безопасности. Однако по сей день остается открытым вопрос, являлась ли политика С. Абэ коренным переломом в оборонной политике страны или продолжением политики, начатой его предшественниками.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежат документы японского правительства, определяющие оборонную политику страны, — Белые книги по обороне 2013–2021 гг. (второй премьерский срок С. Абэ), «Национальные программы обороны Японии», Стратегии национальной безопасности, а также «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны». Документы отображают эволюцию оборонной стратегии и представляют ключевые принципы политики безопасности Японии при С. Абэ.

3. Реформы в сфере безопасности

В свой первый срок (2006–2007 гг.) С. Абэ провел первую значительную реформу в области политики безопасности,

основав Министерство обороны вместо Управления обороны и назначив директора Управления министром. В этом выражалось намерение премьер-министра уделить вопросам безопасности особое внимание.

В 2013 г., вернувшись на пост премьер-министра, С. Абэ принял закон об учреждении Совета национальной безопасности (вместо действовавшего ранее Совета безопасности, далее — СНБ). Целью органа является оперативное обсуждение вопросов безопасности и внешней политики и реагирование на вызовы политическими средствами. СНБ возглавляет премьер-министр.

В рамках СНБ действуют два типа совещаний: четырех и девяти министров. «Совещание девяти министров» объединяет премьер-министра, министра внутренних дел и коммуникаций, министра иностранных дел, министра обороны, министра финансов, министра экономики, торговли и промышленности, министра земли, инфраструктуры, транспорта и туризма, генерального секретаря Кабинета министров, а также председателя Национальной комиссии общественной безопасности. «Совещание четырех министров» (премьер-министр, генеральный секретарь Кабинета министров, министр иностранных дел и министр обороны) необходимо для более быстрого обсуждения вопросов и проводится в случае чрезвычайных ситуаций.

Действующая концепция Совета национальной безопасности Японии сосредоточена на проведении регулярных совещаний по вопросам национальной безопасности и разработке среднесрочных и долгосрочных стратегий национальной безопасности, а не на управлении кризисами. Управлением кризисными ситуациями занимается должностное лицо Кабинета министров по управлению кризисными ситуациями, а СНБ предоставляет консультации для оказания помощи в принятии политических решений на начальных этапах реагирования при возникновении чрезвычайной ситуации и до создания штаба реагирования. В отличие от Совета безопасности, существовавшего ранее, функционал Совета национальной безопасности направлен на политическое решение внешнеполитических и военно-политиче-

ских проблем в более быстрые сроки. Контроль за принятием решений сосредоточен в руках премьер-министра [Асаи 2013: 4–5].

В рамках Совета был создан Секретариат, который возглавляет генеральный секретарь Совета национальной безопасности Японии. Задача Секретариата — наладить анализ разведывательной информации по вопросам национальной безопасности, а также установление дополнительных каналов связи с союзниками, прежде всего, США и Республика Корея [Добринская 2015: 239].

В 2013 г. С. Абэ также принял первую «Стратегию национальной безопасности», в которой выделил основные направления политики безопасности, связанные как с углублением военно-политического сотрудничества с США и странами региона, так и с реформами внутри Сил самообороны Японии (далее — ССО), направленными на улучшение военно-технической оснащенности, повышение уровня подготовки военнослужащих, создание особых подразделений [Кокка андзэн 2013].

В Стратегии также была принята за основу концепция «активного пацифизма» (яп. *сэkkёкутэки хэйвасюги*). «Активный пацифизм» основан на принципе международного сотрудничества и подразумевает, что Япония вносит более активный, чем прежде, вклад в обеспечение мира, стабильности и процветания международного сообщества в целом и Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) в частности. Данный принцип стал основным в вопросах национальной безопасности Японии. Таким образом, Япония подчеркивала, с одной стороны, приверженность пацифизму, которого традиционно придерживалось японское руководство, а с другой стороны, выразила намерение повысить свою роль на мировой арене в вопросах безопасности. Вопрос безопасности Японии стал выходить за пределы Японских островов, Токио стал концентрироваться не только на ситуации в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском (затем Индо-Тихоокеанском) регионе.

Это подтверждает заявление министра иностранных дел Ф. Кисида на заседании бюджетной комиссии Палаты советников в 2015 г. о том, что для обеспечения мира

и безопасности Японии необходимо обеспечить мир и стабильность в регионе и во всем мире. Для этого Япония намерена «высоко нести флаг активного пацифизма, основанного на принципе международного сотрудничества, <...> и более решительно, чем когда-либо, продвигать дипломатию, в рамках которой мы выполняем свои обязанности как члена международного сообщества во имя мира и процветания во всем мире» [Кисида 2015].

Для реализации концепции «активного пацифизма» Токио предполагал: 1) развивать различные виды сотрудничества, а также двустороннего и многостороннего диалога в области гуманитарной помощи, помощи при стихийных бедствиях и других областях; 2) укреплять международную оперативную инфраструктуру Сил самообороны в целях противодействия распространению оружия массового уничтожения и баллистических ракет, борьбы с терроризмом и пиратством, участия в миротворческих операциях ООН [Бо:эй хакусё 2013].

Формирование регионального порядка (яп. икинай тицудзё) стало одной из ключевых задач японского правительства. Под эгидой формирования «атмосферы сотрудничества», которая многоократно упоминается в Белой книге по обороне 2013 г., Токио был нацелен на лидирующую роль в выстраивании диалога безопасности.

Для улучшения среды безопасности были поставлены следующие задачи:

- 1) ускорение процессов укрепления взаимопонимания, создания доверия и построения сотрудничества;
- 2) расширение географии диалога и обменов за пределы соседних стран до глобального уровня;
- 3) переход от простого обмена к конкретному и практическому сотрудничеству со странами-партнерами;
- 4) эволюция подходов к безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: от диалога, направленного на создание доверия, к формированию регионального порядка и общих норм [Бо:эй хакусё 2013].

Таким образом, Токио стремился не только занять лидирующую позицию в регионе, но и расширить свое влияние за его

пределы, повысив свою роль на международном уровне. Японское правительство было нацелено также на формирование такого регионального порядка, который бы соответствовал его ожиданиям, и речь шла не только об укреплении позиций Японии, но и сохранении влияния США.

В 2015 г. в Парламенте Японии был принят закон о коллективной самообороны, который дал полномочия ССО Японии принимать участие в военных действиях для защиты своих союзников, в первую очередь — США. В рамках пакета поправок к ряду законов, имеющих непосредственное отношение к деятельности ССО и обеспечению безопасности государства, Япония расширила круг задач, которые могут выполняться в рамках операций ООН по поддержанию мира, пересмотрела полномочия ССО на применение оружия, увеличила спектр направлений работы в гуманитарной сфере и по обеспечению безопасности, не попадающей под контроль ООН. Кроме того, были разработаны новые положения, позволяющие принимать полноценное участие в операциях по обеспечению безопасности (так называемые «международные скоординированные операции по обеспечению мира и безопасности»), которые не находятся под контролем ООН [Бо:эй хакусё 2016].

Законопроект вызвал большое количество споров, потому что мог вступить в противоречие со ст. 9 Конституции Японии, которая фиксирует «отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров» [Конституция Японии 1997: 443].

Японское правительство выразило точку зрения, что ст. 9 ограничивает использование вооруженных сил, но согласно ст. 13 Конституции Японии «право граждан на жизнь, свободу и на стремление к счастью» являются предметом заботы государства, поэтому правительство обязано обеспечить безопасность населения и организовать возможности самообороны для достижения мира и безопасности [Бо:эй хакусё 2014].

Согласно ст. 51 Устава ООН каждое государство имеет право на коллективную са-

мооборону. Таким образом, Япония, являясь страной-членом ООН, добровольно ограничивала себя, и вступление закона в силу не является противоречием Конституции страны. Токио предполагает применение данного закона только в случае непосредственной угрозы государству и не стремится участвовать в военных действиях наравне с американскими вооруженными силами, например на Ближнем Востоке [Киреева 2015: 49–50].

Принятие закона соответствовало ожиданиям американского правительства, которое реализовывало политику «Поворота в сторону Азии» — курса, нацеленного на перенос внимания Вашингтона на этот регион. Япония смогла показать себя готовой к расширению военного сотрудничества с американскими вооруженными силами.

Стремление Японии внести вклад в поддержание глобального порядка и международной сферы безопасности проявилось также в участии в операциях по поддержанию мира и миссиях ООН.

В 2013 г. на Филиппины был направлен корпус Сил самообороны Японии для борьбы с последствиями тайфуна Хайян, в 2014 г. Япония направила два эсминца и два патрульных самолета для сопровождения гражданских судов и проведения разведывательных операций у побережья Сомали и в Аденском заливе для борьбы с пиратством [International Contributions 2014]. Японские инструкторы также работают в Африке в период миротворческих миссий ООН. Министерство обороны регулярно направляет делегации в секретариат ООН, активно поддерживая стремление международной организации к поддержанию глобального мира [Бо:эй хакусё 2019]. Так, японские Силы самообороны принимали участие в миротворческой операции ООН в Южном Судане. В октябре 2016 г. министр обороны Т. Инада посетила Южный Судан для проверки деятельности 10-го контингента ССО и провела ряд встреч с руководством Южного Судана. Было принято решение о реализации «Плана осуществления операций по международному мирному сотрудничеству в Южном Судане»¹ [Бо:эй хакусё 2017].

¹ Позднее, в 2017 г., министр обороны Инада Томоми подала в отставку в связи со скандалом,

одновременно с расширением функций и полномочий Сил самообороны наблюдалось увеличение оборонного бюджета Японии. В 2012 г. оборонный бюджет составлял 4,64 трлн юаней, в 2014 г. — 4,68 трлн юаней, а к 2020 г. достиг 5,3 трлн юаней [Бо:эй хакусё 2021].

4. Угрозы безопасности в регионе: позиция Японии

Японское правительство неоднократно выражало обеспокоенность в связи с неустойчивостью ситуации, связанной с безопасностью в регионе. Главной угрозой в документах Минобороны Японии указывается Северная Корея, однако Китай описан как государство, «вызывающее обеспокоенность». Отдельное внимание уделялось Российской Федерации, усиливавшей свой военный потенциал [Кокка андзэн 2013].

В 2016 г. Северная Корея вновь провела ядерные испытания и произвела запуск баллистической ракеты. Северокорейские СМИ также заявили об успешном испытании водородной бомбы. В 2017 г. разразился очередной Корейский ядерный кризис, вызвавший волну беспокойства со стороны японской общественности. С 2016 г. Северная Корея произвела порядка 40 запусков баллистических ракет. Потенциальная северокорейская угроза стала поводом для усиления военной мощи Японии. Политические деятели и СМИ страны использовали обеспокоенность японской общественности для закупки нового вооружения и увеличения численности Сил самообороны.

Рост влияния Китая хотя и не оказался напрямую обозначен в официальных документах Японии, все же оказал значительное влияние на оборонную политику Токио [Крячкина 2021: 79]. Укрепление военного потенциала Китая было не единственной причиной, почему Токио с осторожностью рассматривал военно-политическую активность соседнего государства. Оставались

связанным с присутствием контингента Сил самообороны Японии в Южном Судане. В 2016 г. оппозиция потребовала опубликовать дневниковые записи миротворцев, которые демонстрировали уровень опасности их нахождения. Как сообщали СМИ, записи были уничтожены, что нарушило положение о предании гласности документов.

нерешенными территориальные споры в Восточно-Китайском (о-ва Сэнкаку / Дяо-юйдао) и Южно-Китайском морях — регионе, где Япония стремилась сохранить свое экономическое и политическое влияние. Логистика, формируемая в рамках китайского проекта «Один пояс и один путь», также рассматривается японским правительством как потенциальная угроза, так как может, по мнению японской стороны, использоваться в военных целях [Бо:эй хакусё 2020].

Беспокойство Токио вызывало стремление США снизить расходы на обеспечение безопасности союзников. Победа Д. Трампа на президентских выборах в 2016 г. повлияла на внешнеполитическое поведение Японии. С. Абэ стремился наладить диалог с новым президентом США, нацеленным на изоляционизм. Опасения, что США сократят военную помощь Японии, стали поводом для обсуждений в СМИ и Парламенте. Для японского экспертного сообщества стало очевидно, что дальнейшее развитие японо-американского союза является ответственностью японской стороны, и она должна проявлять инициативу в развитии двусторонних отношений [Сэkkёку хэйвасюги дзицугэн 2018: 5].

Одновременно с этим стали происходить изменения в сознании японского населения, все больше японцев начали осознавать необходимость создания своего собственного щита безопасности, независимого от США, что также формировало благоприятный климат для укрепления оборонной мощи японским правительством [Добринская 2018: 34].

С 2014 г. в документах Министерства обороны Японии все чаще стал встречаться термин «баланс сил», на достижение которого была направлена японская политика безопасности. Для Токио гарантом поддержания «баланса сил» в Азиатско-Тихоокеанском регионе являлись США, так как их присутствие в регионе считается одним из столпов японской безопасности [Бо:эй хакусё 2020]. В случае сокращения американского контингента на территории Японии и Южной Кореи или уменьшения его финансирования безопасность Японских островов, по мнению Токио, может оказаться под угрозой.

Стремление Японии быть более широко вовлеченной в защиту международного порядка представляется как реакция на изменения системы международных отношений и архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (усиление Китая и обострение американо-китайских противоречий в регионе). Токио представлялось необходимым балансировать и занять более гибкую позицию. Наравне с рядом региональных инициатив в оборонной сфере и по расширению географии диалога безопасности, демонстрировавших либеральный подход во внешней политике Японии, правительство С. Абэ придерживалось принципов реализма, которые выразились в наращивании военного потенциала Японии и укреплении альянса с США [Pugliese, Patalano 2020: 618].

5. Укрепление японо-американского союза

Вступив вновь на должность премьер-министра в 2012 г, С. Абэ считал необходимым восстановить высокий уровень взаимодействия с Соединенными Штатами, который снизился в период нахождения у власти представителей Демократической партии Японии — Юкио Хатояма, Наотоко Кана и Ёсихико Нода [Крячкина 2013: 4].

Укрепление союза с США являлось гарантом обеспечения безопасности Японии в соответствии со Стратегией безопасности Японии 2013 г. В октябре 2013 г. на встрече консультативного комитета по безопасности США и Японии министрами обороны двух стран было достигнуто соглашение о необходимости изложить стратегическое видение более крепкого союза двух стран, пересмотрев «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны» (далее — «Руководящие принципы») 1997 г. В 2015 г. были приняты новые «Руководящие принципы», которые повысили роль Японии в альянсе. Во-первых, документ был призван обеспечить мир и безопасность Японии и способствовать созданию стабильного, мирного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона (ранее о вкладе в обеспечение безопасности региона в документе не говорилось).

Во-вторых, вклад Японии ранее ограничивался положениями Конституции, теперь — принципами обеспечения национальной безопасности и тремя неядерными принципами¹. Документ закрепил расширение взаимодействия Сил самообороны Японии и Вооруженных сил США, в том числе в области получения разведданных, воздушной и противоракетной обороны, морской безопасности, защиты активов и проведения совместных учений как на территории Японии, так и за ее пределами. Дополнительно были рассмотрены действия в случае атаки баллистическими ракетами [[The Guidelines 2015](#)]. Новый документ отвечал новым рискам — развитие ракетной программы КНДР и рост военной мощи Китая, а также был адаптирован с учетом новых возможностей японских ССО в сфере безопасности в свете нового законодательства.

В частности в случае возникновения конфликта в регионе или нападения на острова роль ССО Японии значительно возрастет, появились новые обязательства по защите самих США и союзников, что уже в 2015 г. создало условия для расширения потенциального военно-политического взаимодействия Японии со странами региона — Южной Кореей, Индией, Австралией [[Крячкина 2016: 171–172](#)].

6. Развитие дипломатического диалога по вопросам безопасности

Одной из задач политики безопасности при С. Абэ являлось расширение географии диалога. Помимо укрепления альянса с США, Япония стремилась к сохранению влияния в Юго-Восточной Азии. Важной составляющей развития многостороннего диалога безопасности является участие Японии в различных международных форматах диалога с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН): прежде всего, в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) и официальных встреч министров обороны АСЕАН+, министров иностранных дел АСЕАН (АММ).

¹ Три неядерных принципа Японии были приняты в 1967 г. и заключаются в следующем: не производить, не обладать, не ввозить ядерное оружие [[Three Non-Nuclear Principles](#)].

В 2016 г. Японией было предложено «Вьентьянское видение» (далее — «Видение»), которое стало руководящим принципом оборонного сотрудничества Японии и стран АСЕАН. Данная инициатива была направлена на расширение сотрудничества с АСЕАН в целом, а не только с отдельными государствами Ассоциации. В «Видении» нашло отражение стремление Токио наращивать потенциал в различных областях: гуманитарная помощь, ликвидация последствий стихийных бедствий, миротворческие операции, кибербезопасность, планирование укрепления обороны и др. Стороны договорились осуществлять обмен знаниями и опытом в области международного права, особенно в сфере морской безопасности, передаче оборонного оборудования и технологий, продолжать проведение многосторонних совместных учений [[Vientiane Vision](#)].

В 2019 г. на пятой встрече министров обороны Японии и стран АСЕАН, состоявшейся в Таиланде, министр обороны Т. Коно представил «Вьентьянское видение 2.0». Новое видение должно было углубить сотрудничество в области безопасности Японии и АСЕАН, основываясь на принципах «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» — обеспечении верховенства закона, укреплении морской безопасности и борьбе с нетрадиционными угрозами [[Updating the Vientiane Vision 2019](#)]. Это позволило Японии не только укрепить свои позиции в регионе, но и привлечь Ассоциацию к своему видению развития Индо-Тихоокеанского региона (далее — ИТР).

Одновременно с развитием диалога безопасности с АСЕАН японское правительство укрепляло связи со странами Юго-Восточной Азии по отдельности. Например, в январе 2015 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству и обменам в области обороны Японии и Филиппин», в мае 2018 г. — «Совместное видение Японии и Вьетнама по оборонному сотрудничеству». Оба документа были направлены не только на установление регулярного диалога между оборонными ведомствами, но и на установление морской безопасности, а в «Совместном видении» стороны

согласились с важностью мирного разрешения споров на основе международного права и скорейшего заключения эффективного кодекса поведения в Южно-Китайском море [Бо:эй хакусё 2021].

Таким образом, Токио стремился не только расширить внешнеполитические связи, но и повысить свою роль в решении споров в Южно-Китайском море и укрепить взаимодействие со странами, которое было направлено на ослабление роли Китая в Юго-Восточной Азии.

Япония ежегодно принимает участие в Азиатском саммите по безопасности «Диалог Шангри-Ла», на полях которого проходят трехсторонние встречи между Японией, Соединенными Штатами и Республикой Кореей, а также между Японией, Соединенными Штатами и Австралией, а также индивидуальные встречи с министрами обороны США, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура и других стран Азии и Европы.

Развивался также формат встречи министров обороны и министров иностранных дел «2+2». В 2013 г. в таком формате состоялся диалог с Российской Федерацией, в ходе которого были обсуждены вопросы урегулирования территориального спора и затронуты вопросы обеспечения безопасности в регионе, в том числе информационной.

Непредсказуемость администрации Д. Трампа вынудила Японию искать новые подходы к оборонной политике. В связи с этим С. Абэ удалось диверсифицировать внешнеполитические связи, наладив диалог с НАТО, Австралией, Индией и другими странами, значительно расширив дипломатическую географию.

В 2014 г. была опубликована «Индивидуальная программа партнерства и взаимодействия между Японией и НАТО», согласно которой японские Силы самообороны получили возможность принимать участие в учениях НАТО [Individual Programme], а также в операции «Океанский щит», направленной на борьбу с сомалийским пиратством [Joint Exercise 2014].

В ежегодном формате проводились встречи министров обороны Японии и

Австралии, в ходе которых главы оборонных ведомств подчеркивали приверженность принципу «баланса сил», ведущей роли США для его обеспечения и поддержания безопасности в Южно-Китайском море. Также был подписан ряд соглашений об обмене информацией, передаче оборонного оборудования и технологий, в 2019 г. также стартовала программа обмена в области науки и технологий [Нити-го бо:эй ко:рёку].

В сентябре 2014 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству и обменам в области обороны между Японией и Индией», а в декабре 2015 г. были подписаны японо-индийские «Соглашение о передаче оборонного оборудования и технологий» и «Соглашение о безопасности секретной военной информации», которые установили дополнительную институциональную основу для сотрудничества и обменов в области обороны между двумя странами и были призваны укрепить их отношения как партнеров, способных реагировать на региональные и глобальные вызовы. В ноябре 2019 г. состоялась первая встреча министров иностранных дел и обороны Японии и Индии в формате «2+2», на которой обе страны признали наличие новых вызовов безопасности и подтвердили свою приверженность развитию двустороннего сотрудничества в области безопасности [Бо:эй хакусё 2021].

С. Абэ не ограничивался странами Индо-Тихоокеанского региона. В 2017 г. была подписана совместная декларация Великобритании и Японии о сотрудничестве в области безопасности. В 2015 г. и 2019 г. были заключены соглашения с Францией.

Более того, в мае 2018 г. был принят механизм взаимодействия на море и в воздухе между оборонными ведомствами Японии и Китая, что свидетельствует о высокой дипломатической активности и открытости этих ведомств к взаимной поддержке.

Внешнеполитическую инициативу «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» также можно отнести к одному из направлений оборонной политики Японии, так как он зиждется на принципах «верховенства закона» и «морской безопасности» [Дзию:-дэ хиракарэта Индо-тайхэй:

2021]. В «Основной программе национальной обороны (2019–2023)» подчеркивалась роль вооруженных сил стран Индо-Тихоокеанского региона в поддержании международного мира и региональной стабильности [National Defense Program 2019]. Свое развитие в области безопасности концепция получила уже после премьерства С. Абэ, однако уже при нем стал активнее развиваться диалог безопасности со странами ИТР.

Таким образом, Япония значительно усилила свою роль в диалоге безопасности как внутри Восточной и Юго-Восточной Азии, так и за ее пределами, чем повысила свой статус на мировой арене и показала готовность сотрудничать в целях сдерживания активности Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

7. Реформы в области безопасности — прорыв или наследие?

Политика в сфере безопасности, проводимая под руководством С. Абэ, привнесла существенные изменения в статус Сил самообороны и расширила их полномочия, отвечая таким образом на существующие региональные вызовы безопасности [Крячкина 2021: 78; Добринская 2018: 33]. Несмотря на это, представляется, что политика безопасности С. Абэ является естественным продолжением политики безопасности Японии, которая, хотя и медленно, двигалась к «нормализации» [Oros 2008: 172].

Первым шагом к этому стало учреждение в 1959 г. Сил самообороны Японии. В 1960 г. был подписан Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, который среди прочих условий не обязывал Японию оказывать помощь США в случае вступления США в войну с третьими странами.

В 1970-е гг. известный политик Я. Накасонэ, занимавший ряд важных постов в Либерально-демократической партии и Кабинете министров (в том числе главы Управления национальной обороны в 1970–1971 гг.), смог добиться открытой публикации Белой книги по обороне Японии, в которой была отражена возможность участия Сил самообороны совместно с американскими войсками в военных действиях в случае внешней агрессии.

В 1976 г. была опубликована первая «Основная программа национальной обороны», изначально ориентированная на сдержанную политику безопасности. Ключевой являлась «доктрина Ёсида», которая обозначила курс Токио на экономическое развитие, тесное сотрудничество с США и сведение к минимуму оборонных расходов. В 1978 г. были подписаны первые «Руководящие принципы японо-американского взаимодействия в области обороны», которые позволяли ССО Японии и США проводить совместные военные учения [Стрельцов 2018: 16].

В период Холодной войны обстановка безопасности в Восточной Азии позволяла Японии придерживаться идей пацифизма. КНДР и КНР на тот момент не представляли серьезной угрозы безопасности для региона.

После краха bipolarной системы международных отношений перед Японией встала задача адаптироваться под новые мировые условия. В 1995 г. была принята новая «Основная программа национальной обороны» (далее — «Основная программа»), которая во многом повторяла принципы предыдущего документа, но в ней нашли отражение недавно проявившие себя вызовы — военная модернизация Китая, развитие стратегического вооружения Северной Кореи. В версии «Основной программы» 2004 г. было обозначено стремление к более активной и самодостаточной политике безопасности и созданию «многофункциональных, гибких и эффективных Сил самообороны» [Hinata-Yamaguchi 2021: 5–6]. Важно подчеркнуть, что «Основная программа» 2010 г., принятая при оппозиционном правительстве Демократической партии Японии, продолжила курс на динамическое развитие Сил самообороны Японии [Добринская 2018: 29].

С 1990-х гг. Силы самообороны принимали участие в миротворческих миссиях ООН и дислоцировались в Ираке в 2003 г. [Hinata-Yamaguchi 2021: 6]. Таким образом, к моменту вступления в должность премьер-министра С. Абэ уже была подготовлена база для дальнейшего развития Сил самообороны. Более того, изменения в гло-

бальной архитектуре безопасности приводили к повышению требований со стороны США к своим союзникам и вынуждали Токио адаптироваться.

Вопрос внесения изменений в ст. 9 Конституции, который поднимался в период премьерства С. Абэ, также не был нов для японского политического истеблишмента. Он уже обсуждался в 1990-е гг., но из-за сопротивления оппозиции (социал-демократов и коммунистов) не получил своего развития [Горячева, Кожевников 2018: 136].

Таким образом, реформы, осуществленные в период премьерства С. Абэ, представляются логичным продолжением курса на возрастание роли Японии в обеспечении безопасности в Восточной Азии.

С. Абэ проявил себя активным политиком в вопросах безопасности, однако не смог реализовать намеченные в начале своего премьерского срока планы, в том числе по внесению изменений в Конституцию. Внутренние дебаты по вопросу статуса Сил самообороны и содержанию ст. 9 Конституции Японии по-прежнему сохраняют актуальность.

С. Абэ не раз подчеркивал важность японо-американского союза для обеспечения безопасности Японии, и Министерство обороны Японии расширило взаимодействие Сил самообороны с американским военным контингентом, дислоцированным на японской территории. Япония до сих пор полагается на альянс с Вашингтоном как на основную силу, способную ее защитить, и едва ли сможет самостоятельно справиться с внешними угрозами [Heginbotham, Samuels 2018: 145]. С другой стороны, так называемая «доктрина Абэ» позволила Японии еще больше приблизиться к американскому видению ситуации безопасности в регионе, согласно которому союзники США имеют большую самостоятельность в вопросах обороны [Hughes 2022: 695].

8. Заключение

Япония под руководством Синдзо Абэ смогла совершить скачок в обеспечении собственной безопасности, умело сочетая

либеральный и реалистичный подходы. Концепция «активного пацифизма» включала в себя как традиционные для Японии подходы к вопросам безопасности — пацифизм, развитие многостороннего диалога в регионе, так и новаторство премьер-министра — усиление обороноспособности страны и расширение списка стран, с которыми осуществляется взаимодействие.

Так, с одной стороны, Токио стремился сохранить и развивать многосторонний дипломатический диалог — Япония заключила ряд оборонных соглашений со странами АСЕАН, Австралией, Индией и другими государствами. С другой стороны, были осуществлены реформы, повысившие боеготовность Сил самообороны и расширившие их полномочия. Активный пацифизм стимулировал международную активность Сил самообороны по обеспечению мира и безопасности не только Японии, но и региона в целом. Об этом свидетельствует пакет законов о коллективной самообороне, заключение соглашений о гуманитарной деятельности Сил самообороны и их содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий.

Активный пацифизм С. Абэ нашел отражение в концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», основанной в том числе на уважении существующего морского порядка, включая свободу судоходства, и верховенстве закона — правовой основы, регулирующей управление на морском пространстве — споры, возникающие на морях. Согласно концепции, закон должен быть инструментом решения разногласий, что также является проявлением либерального подхода японского правительства к вопросам безопасности.

Политика безопасности С. Абэ показала высокую степень адаптивности Японии к быстро меняющимся региональным условиям. Япония стремилась обеспечить безопасность в условиях роста военного потенциала Китая, развития ядерной программы КНДР и изоляционистской политики администрации Д. Трампа. В то же время она сохранила приверженность своим принципам «пацифизма», сформулированным в послевоенное время.

Литература

Асай 2013 — *Acau Kadzuo*. Нихон-бан NSC Kokka andzэн хосё: кайги) но гайо:-то кадай: Нихон-бан NSC ко:ко:, Бэй-эй-то но хикаку, кадай-о тю:син-ни (= Обзор и проблемы Совета национальной безопасности Японии: фокус на концепции Совета национальной безопасности Японии, сравнение с США и Великобританией, а также проблемы). Тё:са-то дзё:хо: = Issue Brief. 2013. № 801. С. 1–12. (На яп.)

Бо:эй хакусё 2013 — Хэйсэй 25-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2013) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2013/2013/index.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Бо:эй хакусё 2014 — Хэйсэй 26-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2014) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2014/html/nk100000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Бо:эй хакусё 2016 — Хэйсэй 28-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2016) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2016/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Бо:эй хакусё 2017 — Хэйсэй 29-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2017) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2017/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Бо:эй хакусё 2019 — Рэйва ганнэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2019) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2019/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025) (На яп.)

Бо:эй хакусё 2020 — Рэйва 2-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2020) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2020/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

References

Asai K. National Security Council (Japan): An overview and challenges (Its concept, comparison with the US and UK, problems). *Chōsa to jōhō (Issue Brief)*. 2013. No. 801. Pp. 1–12. (In Jap.)

Japan's Defense White Paper 2013. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2013/2013/index.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Japan's Defense White Paper 2014. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2014/html/nk100000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Japan's Defense White Paper 2016. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2016/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Japan's Defense White Paper 2017. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2017/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (дата обращения: 22 March 2025).

Japan's Defense White Paper 2020. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2020/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Бо:эй хакусё 2021 — Рэйва 3-нэмбан бо:эй хакусё (= Белая книга обороны Японии 2021) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2021/html/nk000000.html (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Горячева, Кожевников 2018 — *Горячева Е. А., Кожевников В. В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 133–147.*

Дзию:-дэ хиракарэта Индо-Тайхэй: 2021 — «Дзию:-дэ хиракарэта Индо-Тайхэй:» бидзён-ни окэрү бо:эйсё:-но торикуми (= Усилия Министерства обороны по реализации концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона») [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. URL: https://www.mod.go.jp/j/press/book/pamphlet/pdf/indo_pacific_j.pdf (дата обращения: 22.03.2025) (На яп.)

Добринская 2015 — *Добринская О. А. Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный поворот / рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 236–257.*

Добринская 2018 — *Добринская О. А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. № 2. С. 23–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009*

Киреева 2015 — *Киреева А. А. Реинтерпретация Конституции Японии: последствия для Восточной Азии и России // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 46–54.*

Кисида 2015 — Дай 189-кай Коккай ни окэрү Кисида гаймудайдзин но гайко: эндэзшу (= Выступление министра иностранных дел Кисиды на 189-й сессии Парламента Японии) [электронный ресурс] // Либерально-демократическая партия Японии. URL: <https://www.jimin.jp/news/policy/127058.html> (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Кокка андзэн 2013 — Кокка андзэн хосё: сэнряку (= Национальная стратегия безопасности) 2013 [электронный ресурс] // Cabinet Secretariat. URL: <https://www.cas.go.jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)

Japan's Defense White Paper 2021. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: http://www.clearing.mod.go.jp/hakusho_data/2021/html/nk000000.html (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Goryacheva E. A., Kozhevnikov V. V. The revision of the Constitution of Japan. *Russia and the Pacific.* 2018. No. 1(99). Pp. 133–147. (In Russ.)

Free and Open Indo-Pacific: Efforts of [Japan's] Ministry of Defense. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: https://www.mod.go.jp/j/press/book/pamphlet/pdf/indo_pacific_j.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

Dobrinskaya O. A. Security policy reforms by Abe Shinzo. In: Markaryants (Markaryan) S. B., Molodyakova E. V. (eds.) *Japan: Turn to Conservatism.* Moscow: AIRO-XXI, 2015. Pp. 236–257. (In Russ.)

Dobrinskaya O. A. On some aspects of evolution of Japan's foreign policy. *Japanese Studies in Russia.* 2018. No. 2. Pp. 23–37. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Kireeva A. A. Constitution of Japan and its reinterpretation: Consequences for East Asia and Russia. In: Kistanov V. O. et al. (eds.) *Japanese Studies in Russia. Jubilee conference proceedings (Moscow, 19 December 2014).* Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2015. Pp. 46–54. (In Russ.)

Speech of Foreign Minister Kishida at the 189th Ordinary Session of the Diet. On: Liberal Democratic Party of Japan (website). Available at: <https://www.jimin.jp/news/policy/127058.html> (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

National Security Strategy [December 17, 2013]. On: Cabinet Secretariat (website). 2013. Available at: <https://www.cas.go.jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)

- Конституция Японии 1997 — Конституция Японии // Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1997. С. 433–456.
- Крупянко, Арешидзе 2012 — Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. 416 с.
- Крячкина 2013 — Крячкина Ю. А. Возвращение сильной Японии? Токио осваивается в новой региональной обстановке // Национальная оборона. 2013. № 5(86). С. 4–10.
- Крячкина 2016 — Крячкина Ю. А. Японо-американский союз: время перемен? // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1(34). С. 168–182.
- Крячкина 2021 — Крячкина Ю. А. Специфика формирования оборонной политики Японии при кабинете Синдзо Абэ // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2(65). С. 70–84. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_70
- Нитиго: бо:эй кё:рёку — Нитиго: бо:эй кё:рёку (= Сотрудничество Японии и Австралии в области обороны) [электронный ресурс] // Министерство обороны Японии. 2023. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/pacific/pdf/australia_20230116.pdf (дата обращения: 22.03.2025). (На яп.)
- Стрельцов 2018 — Стрельцов Д. В. Мэверик японской политики эпохи холодной войны (к 100-летию со дня рождения Накасонэ Ясухиро) // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 9–28.
- Сэkkёутэки хэйвасюги дзицугэн 2018 — Сэkkёутэки хэйвасюги дзицугэн но тамэ но тэйгэн I – Вагакуни о маморинуку бо:эй тайсэй но кё:ка (= Рекомендации по реализации проактивного пацифизма I: Укрепление оборонной системы Японии) // Sasakawa Peace Foundation, Security Policy Group. 2018. 50 с. (На яп.)
- Heginbotham, Samuels 2018 — Heginbotham E., Samuels R. J. Active Denial: Redesigning Japan’s Response to China’s Military Challenge // International Security. Vol. 42. No. 4 (May). 2018. Pp. 128–169.
- Hinata-Yamaguchi 2021 — Hinata-Yamaguchi Ryo. Developments in Japan’s Defense Strategies and Readiness: Is the Glass Half Full or Half Empty? // Asie. Visions, 124, IFRI, October 2021. 28 p.
- Constitution of Japan. In: Maklakov V. V. (comp.) Constitutions of the World. Moscow: BEK, 1997. Pp. 433–456.
- Krupyanko M. I., Areshidze L. G. Japanese Nationalism: Ideology and Policy. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012. 416 p. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Strong Japan is back? Tokyo adapts to the new regional agenda. *National Defense*. 2013. No. 5(86). Pp. 4–10. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Japan-US alliance: Changing times? *National Strategy Issues*. 2016. No. 1(34). Pp. 168–182. (In Russ.)
- Kryachkina Yu. A. Specifics of defense policy formulation by Shinzo Abe’s Cabinet. *National Strategy Issues*. 2021. No. 2(65). Pp. 70–84. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_70
- Japan-Australia defense cooperation. On: Ministry of Defense of Japan (website). 2023. Available at: https://www.mod.go.jp/j/approach/exchange/area/pacific/pdf/australia_20230116.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Jap.)
- Streltsov D. V. The Maverick of Japanese politics of the Cold War era (Commemorating the 100th anniversary of Nakasone Yasuhiro). *Yearbook Japan*. 2018. Vol. 47. Pp. 9–28. (In Russ.). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10001
- Policy Proposals for Implementing ‘Proactive Contribution to Peace I’ — Strengthening Japan’s Defense System. On: Sasakawa Peace Foundation (website). 2018. Available at: <https://www.spf.org/global-data/20180907165603270.pdf> (accessed: 29 March 2025). (In Jap.)
- Heginbotham E., Samuels R. J. Active denial: Redesigning Japan’s response to China’s military challenge. *International Security*. 2018. Vol. 42. No. 4. Pp. 128–169. (In Eng.)
- Hinata-Yamaguchi R. Developments in Japan’s Defense Strategies and Readiness: Is the Glass Half Full or Half Empty? (Asie. Visions 124). Paris: IFRI (Center for Asian Studies), 2021. 28 p. (In Eng.)

- Hughes 2022 — *Hughes C. W. Remilitarization in Japan* // The Oxford Handbook of Japanese Politics. New York: Oxford University Press, 2022. Pp. 681–700.
- Individual Programme — Individual Partnership and Cooperation Programme Between Japan and NATO, 2014 [электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organisation. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_05/20140507_140507-IP-CP_Japan.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
- International Contributions 2014 — International Contributions of Japan Self-Defense Forces [электронный ресурс] // Government of Japan. URL: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/international_contributions_of_japan.html (дата обращения: 22.03.2025).
- Joint Exercise 2014 — Joint Exercise in Counter Piracy activities between Japan and NATO, 2014 [электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000438.html (дата обращения: 09.04.2025).
- National Defense Program 2019 — National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond [электронный ресурс] // Web Archiving Project (WARP). URL: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (дата обращения: 22.03.2025).
- Oros 2008 — *Oros Andrew L. Normalizing Japan: Politics, Identity and the Evolution of Security Practice*. Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p.
- Pugliese, Patalano 2020 — *Pugliese G., Patalano A. Diplomatic and Security Practice under Abe Shinzō: The Case for Realpolitik Japan* // Australian Journal of International Affairs. 2020. Vol. 74. Is. 6. Pp. 615–632. DOI: 10.1080/10357718.2020.1781790
- The Guidelines 2015 — The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation April 27, 2015 [электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).
- Hughes C. W. Remilitarization in Japan. In: The Oxford Handbook of Japanese Politics. New York: Oxford University Press, 2022. Pp. 681–700. (In Eng.)
- Individual Partnership and Cooperation Programme between Japan and NATO. On: North Atlantic Treaty Organization (website). Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_05/20140507_140507-IPCP_Japan.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- International contributions of Japan Self-Defense Forces. On: Government of Japan (website). Available at: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/international_contributions_of_japan.html (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Joint exercise in counter piracy activities between Japan and NATO. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_000438.html (accessed: 9 June 2025). (In Eng.)
- National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond. On: Web Archiving Project (WARP). Available at: https://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11591426/www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)
- Oros A. L. Normalizing Japan: Politics, Identity, and the Evolution of Security Practice. Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p. (In Eng.)
- Pugliese G., Patalano A. Diplomatic and security practice under Abe Shinzō: The case for Realpolitik Japan. *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74. No. 6. Pp. 15–632. (In Eng.) DOI: 10.1080/10357718.2020.1781790
- The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation [April 27, 2015]. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

Three Non-Nuclear Principles — Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (дата обращения: 29.12.2025).

Vientiane Vision — Vientiane Vision: Japan's Defense Cooperation Initiative with ASEAN [электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/vientianevision/index.html (дата обращения: 22.03.2025).

Updating the Vientiane Vision 2019 — Updating the “Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN [электронный ресурс] // Ministry of Defense of Japan. Nov. 2019. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/admm/06/vv2_en.pdf (дата обращения: 22.03.2025).

Three Non-Nuclear Principles. On: Ministry of Foreign Affairs of Japan (website). Available at: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (<https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/>) (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN. On: Ministry of Defense of Japan (website). Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/vientianevision/index.html (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

Updating the “Vientiane Vision: Japan’s Defense Cooperation Initiative with ASEAN”. On: Ministry of Defense of Japan (website). November 2019. Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/exc/admm/06/vv2_en.pdf (accessed: 22 March 2025). (In Eng.)

